

Места, где покоятся останки сотен тысяч наших солдат, чиновники не хотят признать мемориалом

Вереница лыжников торит лыжню, уходя от хоженных дорог в лесные дебри. Цепочкой продвигаясь вперед, они упорно отталкиваются палками, падают, поднимаются, снова отталкиваются, снова падают. Под лыжами — до метра снега. На своих двоих в таких местах делать нечего, сразу проваливаешься по пояс, а две дощечки волшебным образом держат тебя на этой ненадежной опоре. Этот поход, в котором поучаствовал корреспондент «Вечернего Петербурга», можно было бы назвать прогулкой по лесу, туристическим марш-броском. Если бы он не был организован в честь Дня защитника Отечества студенческим поисковым отрядом «Ингрия» и не проходил через места самых кровопролитных боев Волховского фронта по прорыву блокады Ленинграда — через расположение бывших деревень Мишкино — Поречье — Вороново.

Берег реки Назия. До войны здесь вокруг стояли деревни.

Вокруг сплошь воронки от снарядов, концентрация которых создает эффект морских волн. Смотришь на них и понимаешь, какая мясорубка была здесь — в местах четырех попыток прорыва блокады до знаменитой операции «Искра», а после нее три межфронтные наступательные операции. И зная это, понимаешь, что под ногами у тебя одно большое воинское кладбище, откуда погребенных даже за сотню лет не поднимут все усилия поисковых отрядов. Лыжный поход по этим местам не блажь, это попытка неравнодушных людей показать властям предрержащим, что здесь нельзя строить коттеджи, заводы, фермы — здесь должна быть мемориальная зона, подобная той, которую организовали в 1916 году французы под Верденом, поскольку только так можно сохранить память о сотнях тысяч погибших.

От памятника к памятнику

Когда друзья позвали меня в поход, я не смог отказаться. Поэтому 23 февраля вместе со всеми сел на утреннюю электричку до Волховстроя. Ехать надо было до станции Русановская. Выход на ней — из первой двери первого вагона. Поэтому весь его заняли лыжники — участники похода.

А первой точкой стала непосредственно станция Русановская, потому что она — мемориальная.

Как рассказал командир отряда «Ингрия» Евгений Ильин, платформа символически делит на две части мемориальную военно-историческую зону боев по прорыву блокады

Ленинграда:

— Платформа, как видите, небольшая, на два вагона. Вокруг — садоводства. Ее открыли в 1988 году, в год 45-летия со дня прорыва блокады. Тогда там предполагалось поставить вышку, с которой можно было бы просматривать зону боев от Русановской в одну сторону до Барского озера и в другую сторону до роши Круглой. Даже сейчас, когда лес уже вырос, территория на 5 километров в одну сторону и на 7 в другую могла бы просматриваться. Но вышку не поставили, и сейчас там стоит столб, выкрашенный синим, который показывает место линии фронта во время 3-й Синявинской наступательной операции, когда войска потерпели неудачу в деблокаде Ленинграда, но тем не менее сорвали немецкий план штурма Ленинграда «Северное сияние».

После этой небольшой лекции мы встали на лыжи. Командир назначил ведущих. И мы сошли с дороги, свернув под линию электропередач. Именно здесь все поняли, что снег глубокий, что на лыжах надо стоять ровно, иначе можно провалиться по пояс. Проваливались, учились подниматься, потому что лыжи снимать нельзя ни в коем случае — не будет точки опоры. Первые несколько сотен метров дались непросто, они стали тренировочной полосой, где неопытные лыжники нарабатывали навыки хождения по нетронутому снегу. Потом мы пришли к первой братской могиле, где, как написано на табличке, похоронены Чернышов и Марутин из минометного расчета и четыре неизвестных советских воина. Возложили цветы и пошли дальше.

Памятник вологжанам — бойцам 286-й стрелковой дивизии, воевавшим на рубежах Волховского фронта.

Следующая остановка была через три километра у памятника «Красное знамя». Экскурсоводы-поисковики, помогавшие Ильину, рассказывали об ожесточенных боях на этой территории, на юго-востоке Шлиссельбургско-Синявинского выступа, и перечисляли выжженные деревни: Мишкино, Поречье, Вороново... Рассказ о бывших деревнях говорит о многом. Поэтому на металлическом знамени, «реющем» на берегу реки Назия, обобщающая надпись: «Вечная Слава павшим в боях за Родину! 1941 — 1945».

Коттеджи будут строить на костях?

Следующий памятник ждал нас на другом берегу реки Назия. Чтобы добраться до него, одни на лыжах форсировали реку в обход через мост, сделав для этого трехкилометровый круг, другие, взяв лыжи на плечи, переходили вброд по скользким весенним камням.

Надпись на памятнике гласила: здесь, у реки Назия, советские войска остановили врага, рвавшегося на восток, и удерживали его до января 1944 года. Как рассказал помощник командира Андрей Салий, когда они с поисковиками пришли на этот берег впервые, то

здесь на поле просто лежали останки солдат:

— А местные вообще спокойно относились. Ходили мимо. Для них это было нормально. Хорошо, если убитых просто сбрасывали в воронки и присыпали сверху землей. О нормальных похоронах тогда и речи не было. Тут только копни — кости.

А впереди нас ждали другие мемориалы: «Высота смерти», «Северный» и «Южный» (бывшие дома отдыха, где располагались опорные пункты вермахта). Это высоты, которые занимали немецкие войска и у которых полегли десятки тысяч солдат. Достаточно подняться к этим мемориалам, и вокруг — воронки, воронки, воронки... Мясорубка. После войны такие территории окружали колючей проволокой. Тут до сих пор неразорвавшиеся снаряды и мины и сотни тысяч погибших в земле. Потом ограждения снимали. Теперь там садоводства, разрабатывают карьеры. Хотят строить коттеджные поселки. А еще ходят мародеры. Они потом торгуют на Удельном рынке.

Евгений Ильин уверен — этого нельзя допустить ни в коем случае:

— Недаром говорят, что война не закончена, пока не похоронен последний солдат. Здесь невозможно всех похоронить. Эта территория должна стать мемориальной зоной. Ее надо охранять. Надо отремонтировать грунтовые дороги. Запустить экскурсионные программы, организовать места стоянок, места отдыха граждан, установить памятники, ведь мы обошли малую долю тех мест, где происходили жесточайшие бои.

Интересно, что проект мемориальной зоны уже разработан. В 1977 — 1978 годах НИИ «Ленгипрогор» по поручению Министерства культуры РСФСР была начата разработка проектной документации. Проектом предусматривалась мемориализация территории около 300 квадратных километров. Но потом все заглохло.

И сейчас поисковики встречают лишь противодействие. Как рассказала президент Информационно-аналитического центра «Помним всех поименно» Галина Савельева, они оформили паспорта более тридцати до сих пор неизвестных кладбищ и братской могилы:

— Для правильного увековечивания эти паспорта должны подписать в администрации Кировского района. Мы им отправили все документы еще в прошлом году. Нам ответили отказом. Потому что, если паспорта захоронений будут подписаны, в этом районе больше ничего нельзя делать. А наши захоронения — капля в море для этой территории. Ни одного госпитального кладбища еще не учтено.

Михаил Телехов

Вечерний Петербург, 26 февраля 2015 г.: [Когда вернем мы свою память?](#)